

Владимир Малиновский

ИДИОТ

Витек любил смотреть на парящих в небе стрижей. Лежа на плоской крыше своего домика, он всё смотрел, и смотрел, и смотрел... Если кто-то из родных его окликал в это время, то Витек улыбался ему доброй идиотской улыбкой и, указывая в небо, мычал: «М-м-м... Птички летают...»

Витек стал идиотом лет пять назад. А до этого был парнем очень даже нормальным: занимался единоборствами и достиг в них определенных успехов. Но однажды во время пробежки по лесу в Витька впился клещ. Он клеща удалил и, засунув в какую-то книжку, о нем позабыл. Но уже через несколько дней у него ни с того ни с сего начался сильный жар. Врач поставил скверный диагноз: энцефалит. И течение болезни оказалось очень тяжелым. Витек всё же выжил, хотя превратился... в мычащего идиота.

Но болезнь, ударив в голову, сил Витьку не убавила. И случись у родных или соседей нужда: передвинуть, перенести какую-нибудь тяжесть – тут же звали Витька. Он всегда приходил и с идиотской доброй улыбкой делал работу, что посильна была двум-трем дюжим мужчинам.

Впрочем, были у Витька и свои недостатки. Например, он любил играть в шахматы, но в случае проигрыша рушил доску с фигурами тяжелою палкой, с которой постоянно ходил. А еще Витек не любил скандальные сцены с визгливыми криками. Если рядом с ним кто-то так пытался «развлечься», то двухметроворостый Витек поднимал свою палку-дубину и говорил: «А ну, живо по норам!» Спорить, а

тем более ругаться с Витьком почему-то никто не хотел, скандалисты спешили спастись за ближайшим забором.

Но родители, несмотря ни на что, любили Витька, и, наверное, поэтому построили ему маленький домик. Домик был непростой. На первом его этаже размещалась баня с просторной парной, так как париться Витя очень любил. На втором Витек жил. А на крыше-площадке на стойках был навешен гамак. Лежа в нем, Витек наблюдал, как в небе летают стрижи.

Спору нет, домик был красив и, наверное, очень удобен. Но и в нем, как ни странно, случился изъян. Дело в том, что над домиком блестящей стрелой высоко взлетала труба, и вот в эту трубу почему-то падали птицы.

Обнаружилось это внезапно. Когда баню затопили впервые, в дымоходе, над самой печкой, забились, затрепетало что-то живое. Витек весь напрягся и тут же спросил, тыча пальцем в «ожившее» колено трубы:

– Что это, папа?!

– Наверное, птица, – виновато ответил отец после паузы, но тут же торопливо добавил, взглянув на окаменевшего сына:
– Труба раскалилась, и ее теперь не достать.

Окаменелость Витька моментально прошла, и на лице его отразились смятение и ужас. Он, как маятник, покачал головой:

– Нет, папа, птичку надо спасти.

Но отец лишь беспомощно развел руки в стороны:

– Витя, я тебе объяснил: ее не спасти.

– Я спасу! – произнес Витек вдруг решительно.

Он размахнулся своей тяжелой дубиной и так ударил по блестящей трубе, что та разлетелась в разные стороны. На пол из нее, действительно, выпала обгоревшая птица. Но она уже не подавала признаков жизни.

Из бани Витек вышел весь в слезах, с завернутой в тряпочку «птичкой», которую тут же похоронил во дворе.

Прошло больше месяца после этого нехорошего происшествия. Витек успокоился и больше о птичке не вспоминал. Заметив благоприятные перемены в поведении сына, родители поняли, что баню наконец-то вновь пора запускать, и пригласили в дом мастера, который когда-то монтировал эту печную трубу.

Тот мастер, по-видимому, был большим балагуром. Узнав, что Витя разрушил дубиной трубу, спасая сгоревшую «птичку», он рассмеялся и снисходительно похлопал его по плечу:

– Ну ты даешь, парень! Тебе птичек жалко! Да я их, когда еще был пацаном... – но в этот момент мастер посмотрел на Витька и... почему-то осекся.

Заулыбался снова он только тогда, когда услышал просьбу родителей Вити забрать верх трубы металлической сеткой, чтобы туда не падали птицы.

– Да, можно сделать, – сказал он и, посмотрев на высокую трубу, добавил, чуть помолчав: – Но стоять это будет недешево.

– Ты слышишь, Витя, – обратился папа к сыну, – дядя поставит на верх трубы специальную сетку, и птицы залетать в нее больше не будут.

– Спасибо, дядя! – Витек посмотрел с благодарной улыбкой на «дядю», который был старше него не более чем лет на пять.

– Да-да, конечно же, поставлю, – охотно подтвердил ему мастер.

Он довольно быстро сделал свою работу и, получив причитающиеся ему деньги, ушел. А на следующий день Витек, очень довольный тем, что «птички в трубу больше не попадут», сам затопил свою баню. Тут-то и началось нечто непредвиденное, непонятное и очень странное.

Где-то через полчаса после того, как Витек с радостью объявил родителям, что отправляется топить баню, он неожиданно вновь появился перед ними. Однако от его радостного настроения не осталось и следа: он плакал и беспрестанно себе под нос зло бормотал, что «труба снова сломалась».

Отец немедленно отправился вместе с ним в баню и, к своему удивлению, убедился, что его сын прав. Те хомуты, что были поставлены на дымоход еще вчера, сегодня, словно обессилев, упали. Он позвонил немедля вчерашнему мастеру. Тот тоже очень удивился услышанному и пообещал, что непременно завтра придет.

Мастер, как и обещал, на следующий день пришел и, внимательно оглядев хомуты, сказал хозяину дома:

– Да не может быть, чтобы я эти гайки не затянул. Но раз я здесь, то сделаю это еще раз. А вы уж, пожалуйста, проверьте.

– Хорошо. Вы как сделаете, я приду и проверю, – ответил ему папа Витька и ушел по своим домашним делам. А Витек с интересом стал наблюдать, что делает мастер.

Прошло минут двадцать, с тех пор как мастер начал работать, и вдруг Витин папа с удивлением видит, что из банной трубы валит дым. Конечно, он заспешил к бане узнать, в чем тут дело. А там его встречает Витек – и сияет как медный пятак.

– Витя, это ты баню затопил? – удивленно спрашивает отец у своего улыбающегося сына.

– Да, папа, – с готовностью отвечает Витек.

– А мастер уехал? – продолжает допытываться отец.

– Уехал, папа, – улыбка Витька становится еще шире.

– А что же он меня не позвал, – недоуменно пожимает плечами отец и собирается уже уходить, но в этот момент из бани доносится какой-то подозрительный шум, который его настораживает: – Что там происходит? – спрашивает он у Витька.

– Ничего, папа, – Витек по-прежнему ему улыбается доброй улыбкой.

– Я хочу посмотреть, – отец уже с тревогой смотрит на своего ущербного сына.

– Не надо смотреть, папа, – Витек делает шаг к банной двери, становясь у него на пути.

Отец стоит в полной растерянности, прекрасно понимая, что тренированного сына ему одолеть не под силу. Однако из бани слышатся уже приглушенные крики о помощи.

Тут уже не на шутку встревоженный папа трясущимися руками набирает номер «скорой» и сбивчиво объясняет, что происходит. Затем кидается к своим ближайшим соседям и слезно их просит помочь ему справиться с бедовым сыном. Но те ему с кислой физиономией отвечают, что не желают, чтобы Витек их убил. Тогда отец снова бросается к сыну и на коленях его умоляет, чтобы тот пустил его в баню. Однако Витек лишь покачивает отрицательно головой и улыбается ему своей доброй идиотской улыбкой.

Минут через сорок приехала «скорая», причем одновременно с полицейской машиной, которую догадалась вызвать диспетчер. К этому времени сдавленные крики из бани уже прекратились. Возможно, поэтому Витек, вопреки ожиданиям, не оказал ни малейшего сопротивления здоровенным медбратьям. Как только они его спеленали в смирительную рубашку, все ринулись в баню.

Огонь в банной печи бушевал, точно бешеный. И даже в мойке стояла жара. Но дверь в парную была заперта и забаррикадирована крепкими лавками. Импровизированная баррикада была сделана насколько умело, настолько и прочно, и выйти наружу из закрытой парной кому бы то ни было не представлялось возможным.

Медбратья не без труда разобрали построенную Витьком баррикаду, но, распахнув дверь в парную, тут же отпрянули в стороны: оттуда ударил такой раскаленный воздух, что

терпеть его не было силы. Тогда отец включил вентилятор, а полицейские, похватав какие-то полотенца, стали размахивать ими. Минут через несколько в парную зайти удалось. Там все увидели лежащего на полу человека. Это был мастер. Он был еще жив.

Когда бесчувственного мастера вынесли из раскаленной бани, плачущий отец спросил у умиротворенно лежащего на травке сына:

– Витя, зачем ты это сделал?

– Папа, он птичку убил, – ответил ему улыбаясь Витек и тут же добавил, глядя в синее небо: – М-м-м... Смотрите, какие красивые птички летают.

Медбратья угрюмо взглянули на спеленатого, точно мумия, идиота и начали молча заталкивать его в салон «скорой помощи».

Где-то уже через месяц Витек из психушки вернулся домой. Его отец вызвал мастера снова, чтобы отремонтировать баню – теперь уже, конечно, другого. Мастер разобрал в печном дымоходе колесо и... ничего там не нашел, кроме какой-то желтоватой золы. А кроме того, на самом верху он затянул трубу металлической сеткой, которой там не было.